

Читайте в серии:

В. Кунин. «Интердевочка»

В. Кунин. «Сошедшие с небес»

О. Руднев. «Долгая дорога в дюнах»

Владимир Кунин

Соседи
с небес

АЗБУКА
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
К 91

Разработка серийного оформления и дизайн обложки
Анастасии Ивановой

Кунин В. В.

К91 Сошедшие с небес : повести / Владимир Кунин. — М. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 400 с. — (Как мы жили. Лучшее в советской прозе).

ISBN 978-5-389-24946-2

Маша и Сергей, персонажи повести «Сошедшие с небес», полюбили друг друга под звуки томного романса «Ах, эти черные глаза...». Но случилось это не на танцплощадке и совсем не при романтических обстоятельствах. Эту пластинку крутили фашисты, осаждавшие катакомбы, где оказались заживо замурованы советские солдаты. Раненые умирают без воды, и санинструктор Маша решает выйти из катакомб. За ней в прицел наблюдает фашистский снайпер. Он дает ей время вдохнуть свежий пьянящий воздух. Подойти к воде. Набрать полное ведро. Снайпер не сводит глаз с этой странной парочки — маленькая, хрупкая девушка и раненый солдат, который охраняет ее, как верный рыцарь. От него, снайпера, зависит, будет ли у истории Маши и Сергея продолжение: обычная жизнь, работа, семья, сын Вовка. Судьба этих людей в его руках. А они словно забыли о том, что вокруг война и смерть. Они любят друг друга, они очень хотят жить. Как хочется, чтобы у этой истории был счастливый финал.

Как хочется!

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Кунин В. В., наследники, 2024

© Оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2024
Издательство АЗБУКА®

Очень длинная неделя

Телеграмма пришла рано утром. Секретарь директора цирка расписалась в книге реестров и, возвращая книгу почтальонше, удивленно спросила:

— А где же остальная почта, Анна Марковна?

— Остальная будет позже, — сказала Анна Марковна. — Это срочная... Проставьте время, Зиночка!

Анна Марковна ушла, мягко ступая лыжными ботинками, а Зиночка распечатала телеграмму.

Она бросилась было в кабинет директора, но вспомнила, что директора еще нет, и побежала вниз по лестнице. Выскочив в холодное круглое фойе и не найдя там никого, Зиночка отдернула занавес центрального прохода в зрительный зал.

На манеже женщина в бигуди, свитере и комбинезоне с лямками учила маленькую испуганную собачку делать сальто-мортале.

— Валентина Петровна! — крикнула Зиночка, и купол тревожно повторил ее крик. — Карцев не приходил?..

— Что вы, Зиночка! — певуче ответила женщина, и собачонка присела от страха. — Они с одиннадцати...

Зиночка опять побежала к себе наверх. На последних ступеньках лестницы она увидела спину директора.

— Николай Константинович! — задыхаясь, сказала Зиночка. — Николай Константинович...

Директор обернулся.

— Здравствуйте, Зинаида Ивановна, — сказал он. — Почта была?

— Была почта! — отчаянно выкрикнула Зиночка. — Такая почта!..

— Какая такая?.. — спросил директор и увидел в Зиночкиных руках дрожащий листок.

— Дайте сюда. — Директор осторожно взял телеграмму.

Он пробежал глазами по строчкам:

— Господи... черт возьми... Что же теперь делать?.. Как же ему сказать?..

Директор растерянно посмотрел вокруг себя:

— Он не приходил?

— Нет. У него репетиция с одиннадцати...

— Зиночка, — сказал директор и застегнул пиджак на все пуговицы. — Немедленно позвоните к нему в гостиницу, ничего не говорите, скажите, что я вызываю его срочно к себе.

— В каком он номере?

— Узнайте у Гефта... Он их расселял. Если Гефта нет, просто позвоните администратору гостиницы...

Гефта не было. Зиночка позвонила в гостиницу и спросила у администратора, в каком номере живет Карцев Александр Николаевич.

— Александром Николаевичем столько девиц интересуется, — раздраженно сказал администратор, — что мы уже устали отвечать на их вопросы.

— Я вам не девица! — крикнула Зиночка в трубку. — Я секретарь директора цирка!..

— Простите, — сказал администратор. — Я не знал. Карцев проживает в четыреста тридцатом.

Зиночка опять набрала коммутатор гостиницы и попросила четыреста тридцатый.

— Алло, — раздался хриплый голос Карцева.

— Шура... — сказала Зиночка.

— Ларка! Это свинство! — вдруг сказал Карцев. — Ты же знаешь, что у меня в одиннадцать репетиция, а я только что лег. Какого черта?

Зиночка захлебнулась от злости и жалости к самой себе.

— С вами говорит секретарь директора цирка, Зинаида Ивановна!

— Зи-ноч-ка! — удивленно пропел Карцев и закашлялся. — Ради бога, извините...

— Шурик, — быстро сказала Зиночка, и ей опять захотелось плакать. — Немедленно явитесь к Николаю Константиновичу!

— Зинуля, позвоните лучше Славину, — сказал Карцев, и было слышно, как он зевнул. — Весь вчерашний скандал с этим кретином по технике безопасности выеденного яйца не стоит...

— Шура! — закричала Зиночка. — Немедленно приходите в цирк. Никакая здесь не техника безопасности!..

Карцев пришел минут через пятнадцать.

— Что стряслось? — тихонько спросил он и сунул Зиночке шоколадку.

Зиночка ничего не ответила и указала на кабинет директора. Карцев пожал плечами и постучал в дверь.

— Ты лети, — сказал директор цирка. — Тебе сейчас важно быть там... Я позвонил в Ленинград Соловьеву... Что нужно будет, заминка какая-нибудь — сразу к нему. У него знаешь какие связи...

Директор нажал кнопку, и в кабинет вбежала Зиночка, пугливо глядя на Карцева.

— Закажите мне Ленинград. Срочный, — сказал директор.

Всю дорогу от города до аэродрома в ушах Карцева стоял голос циркового экспедитора Гефта, который доставал ему билет в Ленинград.

— Ну и что, что факт смерти не заверен! — кричал Гефт и потрясал телеграммой. — Ну и что? Смотрите на нее! Факт смерти ей не заверен!.. Не дай вам бог получить такой незаверенный факт!.. Чтоб вы всю жизнь не имели таких телеграмм!.. Мы снимаем лучший номер с программы, и мы не спрашиваем, заверен факт или не заверен!.. Что вам нужно заверять? Что, я вас спрашиваю?!..

...Карцев не любил Веру. Он разошелся с ней года три тому назад и с удовольствием рассказывал о прекрасных отношениях со своей бывшей женой. Это заметно выделяло его из общего числа разведенных, которые кляли своих жен и выставляли напоказ холостячество, возвращенное, наверное, дорогой ценой.

А отношения были действительно хорошие. И Карцев, и Вера словно освободились из длительного безрадостного заключения и теперь были по-хорошему благодарны друг другу. Они наперебой заботились о Мишке, который то несколько месяцев ездил по циркам с Карцевым, то отдыхал с Верой

где-то на юге. Мишку это чрезвычайно устраивало. И только одного Мишка никак не мог уразуметь: когда же они опять станут жить все вместе — папа, мама и он, Мишка? Мишке было шесть лет.

Боже мой, что же теперь делать?.. Как же это все произошло? Что же там такое случилось?.. А может быть, ошибка?.. Может быть, все это ошибка?.. И Карцев вдруг с холодным отвращением понял, что он никакой ошибки не хочет. Фу черт! Какая дрянь в голову лезет. Надо же!..

— Полет состоит из взлета и посадки, — сказала бортпроводница. — И продлится всего пятьдесят минут. Поэтому просим вас воздержаться от курения до прибытия в аэропорт назначения.

Курения — назначения... Аэропорт — аэропорт... Нет, напрасно их назвали бортпроводницами. «Стюардессы» лучше. «Бортпроводница» — это что-то наглухо застегнутое. Хорошие у нее ноги, у этой бывшей стюардессы, ныне бортпроводницы... У Веры очень хорошие ноги. Длинные, красивые ноги у Веры...

— Конфетку не хотите?

— Нет. Спасибо.

На шее у бортпроводницы висела тоненькая золотая цепочка. Крестик там, что ли?

— Это чей экипаж? — спросил Карцев. — Аэропорта отправления или аэропорта назначения?

— Назначения, — улыбнулась бортпроводница. — Возьмите конфетку.

— Спасибо. Не хочу.

Не хочу ни о чем думать! Ничего не хочу...

Десять лет тому назад Карцев стоял на балконе бассейна и тоскливо смотрел в дрожащий зеленова-

тый кафель дна. Над кафелем то и дело проплывали разноцветные шапочки, оставляя за собой трехсекундный белый бурун вспененной воды. Это мешало ему созерцать тихую дрожь зеленого кафеля, и Карцев лениво злился. Он уже давно ждал Юрку Самохина, тренера по прыжкам в воду. Карцев еще тогда в цирке не работал. Он уже был мастером спорта по акробатике и учился на последнем курсе института физкультуры. И когда наконец подошел Юрка, Карцев обернулся к нему и сказал:

— Ну ты даешь, кореш... Сколько можно? Час, два, но не три ведь... Всему есть предел.

Юрка стал оправдываться, говоря, что старший тренер, такая собака, требует отчетность, документацию, списки разрядников и сам не знает, чего хочет... Например, только сейчас говорил сорок минут о том, как методически правильно строить секционные занятия, будто, кроме него, никто ничего не знает, будто все лопухи, ушами не шевелят и мышцей не ловят... Будто он один на всем свете знает, как нужно учить в воду прыгать...

Карцев тоскливо разглядывал высокую длинноногую пловчиху без шапочки. Все были в шапочках, а она без шапочки. Только поэтому он и обратил на нее внимание.

— Это кто? — спросил Карцев.

Юрка, обрадованный тем, что его задержка автоматически прощается, суетливо зашептал в ухо Карцеву:

— Углядел, да? Будь здоров!.. Верочка Сергиевская, из Москвы... Недавно к нам перевелась. Представляешь? С третьего курса инфизкульты на первый курс медицинского!..

— Перворазрядница?

— Что ты! Мастер!.. В первой пятерке Союза!..

— Чего это ее из столицы к нам, в колыбель революции, потянуло? — лениво спросил Карцев.

— По личным мотивам, — значительно ответил Юрка. — Ну, идем?

— Идем.

В этот вечер они были приглашены в дом одной парикмахерши, родители которой уехали на дачу. Парикмахерша обещала привести подругу...

Ведь все было так хорошо! Так вроде бы все наладилось... Даже размен квартиры, ради которого Карцев в прошлом году прилетел из Иркутска, и тот прошел тихо, спокойно, даже с некоторым налетом пижонства. Карцев и Вера весело ездили по коммунальным квартирам, осматривали комнаты, подшучивали друг над другом, были предупредительны, любезны и так несерьезно и мило сообщали о причинах размена, что недоверчиво-любопытные квартирные старушенции становились еще более недоверчивыми и даже представить себе не хотели, что два таких хороших человека не могли ужиться в отдельной квартире с ванной и телефоном. Вера была обаятельна и уступчива, Карцев остроумен и широк, и им обоим нравилось производить такое впечатление на посторонних. А за всем этим у Карцева и, пожалуй, у Веры стояла густая тоска и безумное желание скорее, скорее разъехаться и наконец начать все сначала...

— Пристегнитесь ремнями, — сказала бортпроводница Карцеву. — Скоро посадка. Конфетки не желаете?

— Не желаю, — ответил Карцев и послушно пристегнулся. — Я и посадку не желаю...

— Так в авиации не говорят, — строго сказала бортпроводница.

— Простите меня, пожалуйста... Это я, наверное, не про посадку.

Вера вообще обладала способностью нравиться посторонним людям. И поэтому во всех их семейных неурядицах знакомые винили Карцева, его легкомыслие, непрактичность, разбросанность. Да мало ли в чем обвиняли Карцева! Дома же Вера была человеком жестким и недобрим. Даже ее мать, которую Вера вызвала из Москвы, когда родился Мишка, боялась ее и частенько тихо поплакивала. Изредка старуха напивалась и тогда плакала громко, с криками, угрозами, с обещаниями плюнуть всем в харю и завтра же уехать в Москву! К старшей дочери, Любочке. Люба и маленькой была тихой и доброй, не то что эта злыдня, которая, смотрите пожалуйста, уселась на диване, как ворона на мерзлом дерьме, сунула в рот папироску, и страдания матери ее и не касаются вовсе!.. Нет! Завтра же к Любе!..

Но наступало утро, и притихшая старуха затевала грандиозную оправдательную уборку, перестирывала все Мишкино барахлишко и уже к концу дня страдальчески охала и демонстративно искала по всей квартире валидол...

Любу, наверное, тоже вызвали...

Она была замужем за Колей Самарским, полковником, преподавателем какой-то военной академии. И Любе, и Коле было по сорок, но Коля выглядел моложе и был красив той породистой, интеллигентной

красотой, которая неожиданно встречается в самых простых семьях.

Жили они образцово: Люба работала экономистом в одном техническом издательстве, Коля готовил докторскую диссертацию и знал все, что должно с ним произойти в ближайшие несколько лет. Зимой они регулярно ходили на лыжах, а летом отдыхали на юге. И, несмотря на то что каждая такая летняя поездка заставляла Колю влезать по уши в кассу взаимопомощи, он был доволен и рад за себя и за Любу. К Карцеву Коля относился просто и благожелательно. Ему нравилось, что Карцев артист цирка, и Коля подолгу и с интересом расспрашивал Карцева о том о сем... В чем-то Коля даже завидовал Карцеву. То ли тому, что Карцев подолгу живет один, без жены, то ли постоянной возможности Карцева к «перемене мест», то ли ежевечернему зримому признанию успеха Карцева, то ли еще чему. Однако Карцев яснее ясного понимал, что, если бы Коле предложили поменяться положением с ним, Карцевым, тот отказался бы наотрез. И не потому, что Коля любил свою науку больше всего на свете, а просто потому, что Колино положение солиднее, звание убедительнее, перспективы яснее, да и что душой-то кривить — денег больше... А деньги были очень нужны! Не Коле. Любе. Они нужны были на новую мебель, на немецкую кухню, на какие-то потрясающие замшевые туфли, на дорогой финский костюм для Коли, на тысячи разных необходимых мелочей.

Ни жадности, ни бабского накопительства — все в дом, все в дом! — у Любы не было. Она искренне считала, что положение обязывает и что, если жить,

так не хуже других. Поэтому вечные нехватки денег у Веры и Карцева Люба воспринимала без сочувствия, называя это «неумением жить».

Вера была часто должна Любе. Карцева это нервировало и раздражало, он незаслуженно восставал против Любы и при посещении их дома, из-за боязни показаться бедным родственником, вел себя фальшиво, с каким-то дурацким веселым превосходством и преувеличивал свои настоящие, а тем более будущие заработки. По всей вероятности, Веру мучило то же самое, потому что она невольно подыгрывала Карцеву во всем и даже позволяла себе вслух иронизировать над своей «затянувшейся полосой временных затруднений».

В такие минуты Карцев был благодарен Вере, хотя и знал, что пройдет час-другой, они останутся вдвоем, напряжение спадет, защищаться будет не от кого и от «затянувшейся полосы временных затруднений» не останется никакой иронии. Вера будет плакать и говорить злые и обидные слова. А если Карцев неосторожно попробует ей напомнить, что она еще вчера смеялась над суетливым мещанским благополучием какой-нибудь там Мирочки Шевелевой, Вера станет некрасивая и обязательно закричит, что он, Карцев, ей вообще никакого благополучия создать не может. Пусть-ка он попробует заработать столько, сколько зарабатывает Мирочкин муж! И тогда Карцев тоже закричит, что Мирочкин муж жулик и ворюга, а он, Карцев, воровать не пойдет, даже если им придется сдохнуть с голоду!

Он, наверное, скажет что-нибудь еще — неумное и не обидное для Веры и мучительное для самого

себя. Потом он будет молча проклинать себя за то, что женился на Вере, на женщине старше себя, которая просто плохо к нему относится. Он будет завидовать Мирочкиному мужу, вовсе не жулику и не ворюге, а милому, глуповатому Мите Шевелеву, конструктору какого-то не очень таинственного ОКБ...

— Вам куда? — спросил шофер такси.

— На Васильевский... — сказал Карцев.

— Не возражаете прихватить кого-нибудь по дороге?

— Пожалуйста.

Шофер открыл дверцу и крикнул в длинную очередь:

— Кому на Васильевский?..

Правильно. Нужно ехать именно на Васильевский... Не домой, а именно на Васильевский, где после развода Вера жила с матерью и Мишкой. Мишка там, и нужно ехать туда.

Открыла теща. Глаза ее сразу же наполнились слезами. Она обняла Карцева, повисла на нем и слабо закричала:

— Шуренька!.. Шуренька!.. Пропала моя доченька, пропала!..

Карцев беспомощно погладил ее по голове:

— Тихо, тихо, мама... Мишку напугаете...

Теща всхлипнула и застонала:

— Сидит, маленький, сиротинушка моя, да все про мамочку спрашивает!..

Карцев почувствовал, что теща врет. Он отстранил ее и пошел в конец длинного коридора. Он шел, и за его спиной тихонько приоткрывались двери соседних комнат.

Когда Карцев распахнул дверь, Мишка растерянно улыбнулся и слез с дивана. Он стоял загорелый, коротко постриженный и поэтому немного чужой. Карцев шагнул вперед, и что-то горячее подступило к глазам и перехватило горло. Мишка стал расплываться и терять очертания. Карцев судорожно втянул сквозь стиснутые зубы воздух и, спасая себя, подхватил Мишку на руки.

— Папа... — сказал Мишка и затрепыхался.

Но Карцев еще сильнее прижал его к себе и зарылся лицом в несвежую Мишкину рубашонку. Мишка затих, и Карцев слушал, как мелко и часто стучало его сердце...

В субботу Вера отпросилась у своего шефа — заведующего кафедрой невропатологии профессора Зандберга — за час до общего окончания работы.

Зандберг сидел в ординаторской и пил холодный чай вприкуску. Рукава халата у него были закатаны по локоть, открывая толстые веснушчатые руки, густо поросшие седыми волосами.

— Что-нибудь дома? — спросил Зандберг. — Мишка заболел?

Он любил Веру и считал ее самым способным аспирантом на кафедре. Ему нравилось, что Вера мастер спорта по плаванию, и он часто этим хвастался.

— Тьфу, тьфу... — сплюнула Вера. — Слава богу, его нет в городе.

— Почему «слава богу»? — удивился Зандберг.

— Пыль, жара...

— Он опять гастролирует по циркам? С вашим... бывшим?

Вера улыбнулась:

— Нет. Они с мамой в Осташкове. На Селигере...

— А-а-а... — протянул Зандберг. Ему было жарко, скучно и хотелось поговорить. — Так куда же вы торопитесь?

Вера посмотрела на часы.

— Давид Львович, если вы еще хоть раз скажете «а-а-а...», то мне будет некуда торопиться. Я повсюду опоздаю...

— У вас роман? — спросил Зандберг и вкусно захрустел сахаром.

— Ох, если бы!.. — вздохнула Вера и стала снимать халат. — Я еду на рыбалку.

Зандберг с уважением посмотрел на Веру. Ему всю жизнь хотелось ездить на рыбалку, жечь ночью костер в лесу и по утрам дрогнуть в провисшей от сырости палатке. И он никогда этого не делал.

— У вас роман... — с завистью сказал Зандберг.

Нет, конечно, это был не роман...

Берта, или, как ее называли, Большая Берта, давняя приятельница Веры, наконец вышла замуж. Этот факт всем казался невероятным. В том числе и самой Берте. Ее устрашающие размеры и ничем не прикрытое желание выйти замуж сегодня, сейчас, немедленно, сию минуту и за кого угодно удерживали мужчин даже от элементарной вежливости. Ей просто не рисковали подать пальто. И поэтому, когда Берта наперекор всему все-таки вышла замуж, она стала таскать своего мужа ко всем друзьям и знакомым. Во-первых, для того чтобы насладиться так горячо и давно желаемыми поздравлениями, а во-вторых, чтобы показать мужу, как она любима и почи-

таема в так называемых приличных домах. А так как к Берте все относились действительно хорошо, то уже через полторы недели муж Берты — пухлый тридцатилетний Алик — почти оправился от потрясения, вызванного собственной женитьбой. Ему нравились друзья Берты — врачи, юристы, актеры. Он уважал значительность их положений и чуточку презирал за отсутствие свободных денег. Алик был мясником.

Берта таскала Алика за собой повсюду, и у Веры они бывали чаще, чем у других. Однажды Алик привел знакомого — полупьяного тихого хоккеиста Сережу Рагозина. Алик молотил глупости, Берта шумно хохотала, а Рагозин молчал и смущенно покачивал головой. И только в конце вечера он увидел над столом давнишнюю фотографию Карцева и удивленно спросил:

— Это что, Карцев?

— Вы его знаете? — спросила Вера.

— Он сейчас в цирке работает... — сказал Рагозин.

— Он ей будет рассказывать! — крикнул Алик, и Берта захохотала.

Рагозин непонимающе посмотрел на Алика.

— Это мой муж, — сказала Вера. — Карцев мой бывший муж.

— Она же Карцева! — крикнул Алик. — Понял? Карцева!..

Потом Алик и Берта еще несколько раз приходили с Рагозиным, потом Рагозин пришел один и весь вечер рассказывал Вере, как он играл в команде мастеров и как это было хорошо, а теперь «стучит» в простой и бедной заводской команде и как это плохо. Он и не скрывал, что все эти грустные превращения произо-

шли с ним из-за водки, и горько сетовал на друзей, на болельщиков и на самого себя. Рагозин был еще моложе Карцева, и Вера тоскливо думала, что ей, видно, всю жизнь придется шефствовать и идти впереди. А ей хотелось идти сзади, след в след, подчиняясь умной и сильной воле, и чувствовать себя женщиной. Не мужественной женщиной, а просто женщиной... Мужественной она уже была. Хватит.

А еще через несколько месяцев Рагозин привел к Вере хорошенькую девочку лет двадцати с намазанными глазками. Он вывел Веру на кухню и сказал, что хочет жениться на этой девочке. Вера и пожалела Рагозина, и обрадовалась. Ей казалось, что Рагозину нужна не такая жена, такие у него уже, наверное, были. Но все же она была рада. Сложившиеся к тому времени отношения между нею и Рагозиным так и останутся приятельскими, и, может быть, в этом залог спокойствия Веры.

Рагозин женился и теперь все вечера просиживал у Веры уже с женой. Он почти не пил и, казалось, был всем доволен. Понимал ли он тогда всю двойственность положения или не понимал, черт его знает! Иногда, в самый неподходящий момент, глядя на то, как Рагозин сидит в кресле и читает, пришептывая и шевеля губами, Вере хотелось подойти к нему, обнять и потереться щекой о его большие обветренные руки. Но рядом сидело хорошенькое существо, и только оно одно имело право тереться щекой о его руки и класть голову на его плечо...

И Вера говорила себе, что она просто старая одинокая дура и, если ей уж так хотелось всего того, на что сейчас имеет право эта девочка с четко проглядываю-

щей зверушечьей хищностью, она, Вера, могла получить все это намного раньше — стоило только шевельнуть пальцем. Теперь поздно, и слава богу. В конце концов, все твои достоинства в тридцать три никому не нужны. Нужны недостатки в двадцать. Недостатки двадцатилетних очень удобно объяснять и прощать...

Часа за два до разговора Веры с Зандбергом в клинику позвонил Рагозин.

— Вер, а Вер... Поедем на рыбалку?.. — слегка заикаясь, сказал он.

— Опять дома худо? — спросила Вера, и в эту минуту ей вдруг до боли захотелось увидеть Карцева, услышать его голос, смех, шаги... И Мишку, который так похож на Карцева.

Рагозин промолчал.

— Ну что ты молчишь? — раздраженно сказала Вера. — Говори что-нибудь!

— Ну поедем, Вер... — тоскливо сказал Рагозин.

Последние полгода ему было очень плохо. В доме творилось черт знает что, и Рагозин опять начал пить. Его отчислили с тренировочных сборов и, кажется, выгнали с работы.

— Хорошо, — сказала Вера. — Я буду на вокзале в три часа.

— Нет, Вер... — слабо запротестовал Рагозин. — Поздно. Давай подгребай к часу... А то опять лодку не достанем. Этот хрыч их в один момент раскассирует... Он за «маленькую» удавится.

— А ты? — зло спросила Вера и тут же пожалела Рагозина.

Рагозин чуточку помолчал и тихо сказал:

— Давай к часу... А, Вер?..

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

КУНИН ВЛАДИМИР

СОШЕДШИЕ С НЕБЕС

Редактор Ю. Раутборт
Технический редактор Л. Синицына
Корректоры П. Шевнина, В. Алексина
Верстка Т. Коровенковой

Подписано в печать / Баспаға қол қойылады 26.03.2024.

Формат 84 × 108 ¹/₃₂. Гарнитура «Petersburg».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,0.

Тираж 3000 экз. Т-HWL-33932-01-R. Заказ №

Изготовитель: Өндіруші:

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» – обладатель товарного знака АЗБУКА®	«Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ – АЗБУКА® тауар белгісінің иесі
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука-Аттикус» Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
--	---

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

